

«*Маша лежит на столе...*»

Известно, что и внешность, и характер Марии Дмитриевны отразились в образах «двух Катерин» – жены Мармеладова из «Преступления и наказания» и Катерины Ивановны из «Братьев Карамазовых». Но вот что говорит Достоевский об этом психологическом типе в последней предсмертной своей тетради: «Катерина Ивановна. *Самосочинение*. Человек всю жизнь не живет, а сочиняет себя, *самосочиняется*».

Если иметь в виду состояние Марии Дмитриевны в ее последние годы – «фантастичность», ревность, желание отомстить неверному мужу и т.д., и т.п., то вполне закономерен и творимый ею романтический миф: везде и всюду сопровождающий ее и преданный ей любовник. «Вечный Вергунов» – это то оружие, которым можно поразить легкомысленного супруга. Это возможность доказать, что она тоже любима, что ей восхищаются и ей верны. В этом смысле Вергунов выполняет функцию «танца с шалью», который Катерина Ивановна («Преступление и наказание») исполняла на выпуске, при губернаторе. Незримый любовник – тоже знак иной, достойной ее и благосклонной к ней жизни. Он – оправдание ее неудачного брака, ее горестей и болезней. Его нельзя выгнать из комнаты, как тех чертей, ибо он – ее последний и, пожалуй, единственный козырь.

«Чахоточную и обвинять нельзя в ее расположении духа», – скажет Достоевский в одном из писем.

Поведанный некогда Достоевским Анне Григорьевне бред бедной больной, пройдя ряд трансформаций, обретает право на жизнь в мемуарной прозе Любови Федоровны.

Даже если Мария Дмитриевна действительно *призналась* мужу в этой роковой страсти, у него не было оснований менять свое отношение к ней. Он слишком хорошо знал ее «фантастический» характер. Он сохранит в своей памяти и постарается донести до других ее идеальный образ – тот, который привлек его с самого начала и который «в высшем смысле» остался таким навсегда.

Он не оставит ее до последнего дня.

Перевезя жену из Владимира в Москву в ноябре 1863 г., Достоевский почти неотлучно находится при ней. Здесь, в двух шагах от ее постели, пишутся «Записки из подполья». Здесь он постоянно занят делами «Эпохи», издание которой настоятельно требует его присутствия в Петербурге. Но, понимая, что у жены нет шансов, Достоевский жертвует всем остальным.

А.Н. Майков, посетивший Достоевского в Москве в январе 1864 г., пишет супруге: «Мария Дмитриевна ужасно как еще сделалась с виду-то хуже: желта, кожа да кости, просто смерть на лице. Очень мне обрадовалась, о тебе расспрашивала, но кашель обуздывал ее болтливость. Федор Михайлович все ее тешит разными вздориками, портмонеичиками, шкатулочками и т.п., и она, по-видимому, очень ими довольна. Картину вообще они представляют грустную: она в чахотке, а с ним припадки падучей». Достоевский «тешит» безнадежно больную: последнее, что он может для нее сделать. Но и она в свою последнюю минуту не забывает о нем.

Анна Григорьевна излагает в дневнике рассказ мужа – как он в день смерти первой жены «все сидел у нее», затем отлучился на минуту к Ивановым (семейство сестры проживало рядом), и, когда вернулся, все было кончено. «Перед смертью она причастилась, спросила, подали ли Федору Михайловичу кушать и доволен ли он был, потом упала на постель и умерла».

Женщина, чествившая его каторжником и другими обидными словами и признававшаяся в ужасных изменах, в смертный свой час, приобщившись святых тайн, не забывает осведомиться о том, пообедал ли он и, главное, остался ли доволен обедом. Его временное земное благополучие занимает ее не менее, чем вечное спасение души.